

«В каждом из нас Бог...» (религиозно-философские мотивы лирики Иосифа Бродского) // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. Вип. XV. – Херсон: Вид-во ХДПУ, 2002. – С.218-222

Ильинская Н.И.

"В КАЖДОМ ИЗ НАС БОГ..."
(Религиозно - философские мотивы
лирики Иосифа Бродского)

Библейская тематика вторгается в поэзию Бродского мощным потоком, начиная с 60-х годов. Заключающая в себе один из аспектов философских размышлений - Бог и человек - она представлена во все периоды его поэтического творчества, начиная с "Исаака и Авраама" (1963) и заканчивая "Бегством в Египет [2]", написанным за два месяца до смерти (1995). В корпусе стихов, разрабатывающих названную тематику, условно можно выделить три направления:

- стихи, посвященные сюжетам и образам Ветхого Завета ("Исаак и Авраам", "Разговор с небожителем" - лучшие из них);

- стихи, интерпретирующие темы, мотивы и образы Нового Завета ("Рождественская звезда", "Сретенье", "Рождество 1963 (" Спаситель родился ..."), "Рождество 1963" (" Волхвы пришли. Младенец крепко спал..."), "Колыбельная");

- стихи, содержащие размышления на духовные темы, библейские аллюзии и реминисценции ("Рождественский романс", "Провинция справляет Рождество", "Лагуна", поэма "Горбунов и Горчаков", "Речь о пролитом молоке", "Два часа в резервуаре").

На библейские сюжеты поэтом создано около тридцати стихотворений. Отмеченная исследователями особенность лирики И.Бродского - лейтмотивная организация - характерна и для произведений на библейскую тематику. В них каждая лейтмотивная тема разбивается на более мелкие подтемы, причем в различных текстах они представлены в необычной спайке, характерной лишь для данного стихотворения. Цель предлагаемой статьи - проследить становление, смысл и трансформацию библейских мотивов в корпусе лирики И.Бродского, используя в качестве инструментария мотивный анализ. При этом под мотивом понимается "устойчивая, функционально значимая единица художественного текста, которая отличается структурной пластичностью и открытостью, повторяемостью в тексте, возможностью соединения с другими мотивами, присутствием концептуального, существенного для данного текста смысла"[2;180-182].

Рассмотрим основные религиозно - философские мотивы лирики И.Бродского. Еще в ранней лирике поэта заявляет о себе мотив Богоискания и Богопознания, который становится определяющим для его жизни и творчества в целом. Он отражает интенсивную духовную жизнь поэта, подъемы и кризисы, периоды приближения к Богу и богоотступничества. Так, у раннего И.Бродского встречаются "богоотрицающие" строки, например, в "Пилигримах" (1958): " И, значит, не будет

толка / От веры в себя да в Бога /... И, значит, остались только / Иллюзия и дорога [1; 24]. Обращает внимание построение фразы: вера в себя приоритетна по сравнению с верой в Бога. Развитие и трансформация этого мотива в мотив обоготворения человека продолжают "Стихи под эпитафией" (1958), в частности строки, содержащие аллюзию на ницшеанское: "Умерли все боги, остался один человек". У Бродского соответственно: "Богово станет нам / сумерками богов" [1; 25]. В более поздних стихах место Бога занимает любимая женщина, неистовость которой кощунственно противопоставлена одному из главных символов веры в христианстве - Воскресению: "Назорею б та страсть, / Воистину бы воскрес [III; 30]. Иными словами, в развертывании мотива Богоискания и Богопознания одной из его сторон является отсутствие контакта, диалога между Богом и человеком.

Как указывают исследователи, Бог у И.Бродского - не абсолютное начало мироздания, но Некто (или Нечто), зависящий от внешней силы. Иногда Бог предстает в стихотворениях автора " Части речи" и " Урании " иллюзорным порождением сознания "Я" [5; 164]. Этот мотив содержится и в "Разговоре с небожителем":

... И, кажется, уже

не помню толком,

о чем с тобой

витийствовал - верней, с одной из

кукол,

пересекающих полночный купол

(II; 214).

Богоборческие обертоны религиозной темы этого стихотворения: "... тебе твой дар / я возвращаю - не зарыл, не пропил," созвучны строкам М.Цветаевой: " Творцу вернуть билет", а также перекликаются с ранним творчеством В.Маяковского. Ср. у Бродского: " Как жаль, что нету в христианстве бога - пускай божка" [II; 213] со строками В.Маяковского: " Я думал - ты всесильный божище, а ты недоучка, крохотный божик" (" Облако в штанах"). Аллюзию на произведение В.Маяковского содержит заглавие (ср. "Разговор с фининспектором о поэзии"). Форма текста Бродского - монолог, который и не рассчитан на диалогичность речи - такая же, как и во многих стихотворениях В.Маяковского.

Есть у И.Бродского стихи, в которых мотивы Богоискания и Богопознания отражены в сложной и нестандартной форме. Таковы "Натюрморт", "Новые стансы к Августе", "Пенье без музыки", загадочная поэма "Горбунов и Горчаков". В "Новых стансах к Августе" [I; 386] мотив Богопознания проявляется в стремлении лирического героя услышать и понять Всевышнего, в непосредственном обращении к Богу с трогательной просьбой о Боговодительстве: " Вот я стою в распахнутом пальто, / и мир течет в глаза сквозь решето, / сквозь решето непониманья. / Я глуховат. / Я, Боже, слеповат. / Не слышу слов. / (I; 389). В обращении к Богу доминирует ощущение беспомощности, растерянности, интонация грусти и печального смирения.

Мотив Богоискания, несмотря на смешанные в нем чувства радости и печали, постоянен в одном: лирический герой стремится к духовным высотам, к "горнему": "За ваши чувства высшие цепляйтесь каждый день" (поэма "Шествие"). Истинные ценности жизни заключены " в вере в том, что в ней должно

быть" [II; 239], что перекликается с евангельскими стихами: " Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом" (Евр. 11.1).

Мотивы Богоискания и Богопознания переплетаются с одним из самых трагических в философской лирике Бродского мотивом Богооставленности. Его появление во многом вызвано биографическими фактами судьбы поэта. Лирика почти пятнадцатилетнего периода (1972 - 1987) отражает его глубокую душевную драму. Мотивы утраты, одиночества, отчаяния, отчуждения определяют лирику этого отрезка жизни автора: " Тело в плаще обживает сферы, / где у Софии, Надежды, Веры / и Любви нет грядущего..." (II; 320). Лирический герой " постоялец", странник, подобно Улиссу, "совершенный никто", " человек в плаще, потерявший память, отчизну, сына", будущее и даже саму возможность быть оплаканным (II; 320). Этот мотив заявлен И.Бродским в год своего отъезда из СССР (1972) в " Разговоре с небожителем": ... вся вера есть не более чем почта / в один конец" (II; 210). Адресат не рассчитывает на получение оливковой ветви, символизирующей мир между Богом и человеком. На это обращает внимание А.Ранчин: " Раздвоенность в отношении к Богу - одно из проявлений трагичности существования "Я" у И.Бродского. Препятствие - метафизическое одиночество... Бродский "постхристианский" поэт, не ожидающий встречи с личностным Богом, но переживающий Богооставленность и склоняющийся к неверию" [3; 10]. Об этом тяжелом чувстве, жестоком испытании для души поэт говорит в частных письмах и эссе.

Свидетельством вовлеченности И.Бродского в иудео - христианскую традицию является прежде всего поэма "Исаак и

Авраам" [I; 268-283], написанная сразу после прочтения Библии. Поэма И.Бродского неоднократно была предметом пристального внимания литературоведов (М.Крепс, В.Кулле, Дж.Нокс, А.Ранчин). В их интерпретации поэмы "Исаак и Авраам" можно выделить следующие аспекты:

- аллегорическое прочтение символики "Исаака и Авраама" как предвестие Рождества и крестной жертвы Христа (В.Кулле);
- завуалированное повествование о судьбе еврейского народа, отсылка к страданиям евреев в XX столетии (Зеев Бар - Селлы, М.Крепс);
- изображение жизни в экзистенциальном горизонте как вечной жертвы (А.Ранчин).

В русле данной статьи ограничимся выявлением сходных мотивов поэмы И.Бродского и религиозно-психологического эссе С.Кьеркегора "Страх и трепет", а также выделением некоторых символических образов поэмы, связанных с художественной реализацией этих мотивов.

История Авраама - "героя веры" - рассматривается у обоих авторов как рождение абсолютного доверия к Богу, как подчинение всех земных чувств, в том числе и такого святого, как отцовская любовь, требованиям божественной любви и веры.

С.Кьеркегор сосредоточивает внимание на внутренних переживаниях Авраама, на той ценности, коей является для него Исаак - "сын старости", на том испытании, которое было припасено Аврааму: "...ни один ребенок не был ... сыном обетования ...; и судьба Исаака вместе с тем ножом была вложена в руку Авраама. Однако он не усомнился, он не

озирался в страхе направо и налево, он не бросал вызов небесам в своих молитвах" [4; 26-27].

В поэме И.Бродского преобладает действие. Шествие отца и сына на гору Мориа к месту жертвоприношения наполнено глубоким трагизмом, а их переживания переведены в подтекст. Образы природы: барханы, зыбкий песок, в котором вязнет нога, и "в нем трава (коснись - обрежешь палец)", палящее солнце, тяжелые вязанки хвороста на плечах - все это подчеркивает сложное психологическое состояние героев. Вода и вино, которое несут с собою Исаак и Авраам, контрастно соотносятся с евангельской историей о чудесном превращении Христом воды в вино на брачном пиршестве в Кане Галилейской (ср. у Б.Пастернака: "И брачное пиршество в Кане, / И чуду дивящийся стол"). Мир героев поэмы как бы в ожидании чуда, которое угадывается в грядущем.

В событиях поэмы отчетливо просматривается пророчество Рождества и будущей крестной жертвой Иисуса. Как указано в комментариях к Новому Завету, "Исаак является прообразом Христа как сына Авраама, как того, кто наследует обещание и благословение, которое Бог дал Аврааму" (Быт. 22: 17-18; Гал.3: 16,14). Однако смысл поэмы заключается не только в такой трактовке жертвоприношения Исаака: жизнь осознается в ее вечной жертвенности (после явления ангела шествие отца и сына продолжается, и вновь Авраам торопит его, а Исаак медлит. Данная мысль подчеркивается мотивом бесконечности, зазвучавшем в финале поэмы [5; 159]. Русификация имен - Исак, Аврам также призваны подчеркнуть вечность, внеисторичность и неизменность этой жертвы.

Мотив жертвы реализуется через аллюзию хворост - дерево - крест, поскольку свой крест несет и отец, и сын:

Сынок, дрова с тобою? - Вот он, хворост
Обоих их склоняя, спины трут
Сквозь ткань одежд вязанки темных веток

(1; 269)

Семантически близок этим образам символический образ куста. В нем соединено предметное и смысловое, вещественное и духовное. И.Бродский наделяет значением каждую букву слова "куст", но "встреча им в кресте, где буква "Т" все пять одна заменит...". "Лишь верхней планке стоит соскользнуть, / не буква "Т", а тотчас Крест пред нами" [1; 275].

Обновление мира, омытого кровью невинного Агнца передается посредством числовой символики: восемь как символ обновления, начало новой жизни: "цифра 8 вдруг в безумный счет ввергает быстро рощу" [1; 270]. Дерево у раннего И.Бродского является своеобразным индивидуальным религиозным символом устремленности к Небу и связи небесного и земного миров [6; 150].

Мотив молчания вносит свои обертоны в развитие лейтмотива выбора и твердости в вере. С.Кьеркегор, характеризуя молчание Авраама, замечает, что он ничего не сказал близким (Сарре, Елизару), "да и кто сумел бы понять его, и разве это испытание по самой своей сути не наложило на него обета молчания?" [4; 27].

Мотив молчания, на который указывает С.Кьеркегор, также присутствует у Бродского и весьма своеобразно реализуется. Поэма "Исаак и Авраам" - большое произведение, в нем 607 строк, из которых только 37 - диалог между сыном и отцом или реплики одного из них. Такой прием создания

психологически напряженной атмосферы почти без слов (традиция М.Метерлинка) использован Бродским неслучайно: на его фоне особенно ярко и выразительно прозвучат слова Авраама ("почти что окрик"): "Господь, он Сам усмотрит..." [1; 247]. Библейская реминисценция: "Бог усмотрит Себе Агнца для всесожжения" (Быт.22: 8), повторенная почти дословно в поэме, подчеркивает бесконечное доверие Авраама к Богу. Вера укрепляет его душу. Он знает, что это самая тяжкая жертва, которую от него можно потребовать. Но он знает также, что ни одна жертва не бывает слишком тяжела, когда ее требует Господь [4; 27].

Обозначим и другие мотивы религиозно - философской лирики И.Бродского:

- мотивы безверия и демонизма ("Два часа в резервуаре", "Речь о пролитом молоке");
- мотивы страдания и покорности как ценностные категории христианского сознания ("Шествие", "Стихи о приятии мира", "Разговор с небожителем");
- мотив благодарности за перенесенные испытания и невзгоды ("Я входил вместо дикого зверя в клетку", "Элегия");
- мотив надежды, любви, Спасения верой в Иисуса Христа ("На столетие А.Ахматовой", "Сретенье", "Рождественская звезда").

Начиная с "Рождественского романса" 1961 года, Бродским написано 21 стихотворение, посвященное Рождеству. Среди них в 15 речь идет о Христе, вспоминаются евангельские события, остальные 6 содержат аллюзии, реминисценции на рождественскую тему.

Рождество для поэта, не склонного к пафосным речам, уникальное событие, связанное, по его словам, "с исчислением жизни". "Начиная с "Рождественского романса" (1961) календарь поэзии Иосифа Бродского - только христианский, определяемый не датами солнцеворотов, а только Рождеством, Пасхой, Сретеньем. Смена номеров года малозначительна, важно другое, что каждый год повторяет Рождество, Пасху и все остальное. Этим во многом и определяется волнующая сиюминутность происходящего в календарных стихах И.Бродского, эффект присутствия и участия автора," - так пишет Л.Лосев [7; 105].

Теперь каждое Рождество своей жизни поэт будет встречать стихотворением. Это событие становится его личным переживанием, и личное время Бродского сливается с временем христианской культуры. Рождественская тема становится "индикатором" его духовного и творческого состояния, отражает периоды творческих подъемов и кризисов, о чем свидетельствуют наблюдения, схематично представленные в таблице:

Периоды творчества, их характеристика	Стихи этого периода	Лейтмотивы, мотивы
1961 - 1972 петербургский, предэмигрантский, начало работы над темой	Рождественский романс Провинция справляет Рождество Второе Рождество на берегу Рождество 1963 года Рождество 1963	Лейтмотив - Рождественская звезда Мотивы: волхвов, даров, избиения младенцев, пещеры, чуда, Духа Святого, Спасение, Божьей Матери, надежды
1972 - 1987 эмигрантский, творческий кризис в раскрытии этой темы	Сретенье Лагуна Замерзший кисельный берег	Лейтмотив - Богооставленность Мотивы: пустыни, прощания, смерти, мрачной безысходности
1987 - 1995 творческий подъем, возрождение Рождественской темы	Рождественская звезда Бегство в Египет Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в	Лейтмотив - Рождественская звезда Мотивы: Спасения, Бога Отца, Бога Сына, Святого

пещере
Не важно, что было
вокруг

семейства, чуда, пещера,
пустыни, Голгофского
креста, прощания

Колыбельная
В воздухе сильный
мороз и хвоя

Presepìo
Бегство в Египет

Таким образом, религиозно - философская лирика И.Бродского не только уникальна для русской поэзии XX века, но и соединяет "распавшуюся связь времен" между классической русской культурой и современностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский И. Сочинение в пяти томах.- СПб: Пушкинский фонд, 1992-1999 / Стихотворения, эссе, Нобелевская лекция (цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома римскими цифрами и страницы арабскими).
2. Руднев В. Словарь культуры XX века.- М.: Аграф., 1999. – 381с.
3. Ранчин А. Философская традиция Иосифа Бродского // Литературное обозрение.-1993.-№3-4.-С.3-13
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. - М.: Республика, 1993. - 383 с.
5. Ранчин А. "Человек есть испытатель боли..." // Октябрь.- 1997.-№1.-С. 154-168
6. Ранчин А. Иосиф Бродский: поэтика цитаты // Русская словесность –1998.-№1.-С.36-41
7. Лосев Л. Новое представление о поэзии: интервью о Бродском с В. Полухиной // Звезда.-1997.-№1.-С.159-172

